

Джордж Сондерс

Рыцарское фиаско

Был очередной «Вечер факелов».

Около девяти я вышел пописать. На опушке валялись старые доспехи, рядом стоял огромный бак с водой для нашей искусственной речки.

Мимо меня с перекошенным лицом пронесся Дон Мюррей. И тут я услышал, как кто-то всхлипнул. Смотрю: возле кучи доспехов на спине лежит Марта, Судомойка, крестьянская юбка задрана до пояса.

Марта:

– Это мой начальник. Вот блин, вот блин!

Я знал, что Дон Мюррей – ее начальник: он и мой начальник тоже.

Тут вдруг Марта меня узнала.

– Тед, только никому ни слова. Не надо шума. Пожалуйста. Не дай Бог Нейт узнает – он не переживет.

Вскочила и побежала к стоянке. Под заплаканными глазами черные круги.

Кухня постаралась: у «Башни № 4» на грубо сколоченном столе лежали на блюдах настоящие свиные головы, куриные тушки, кровяная колбаса.

Дон Мюррей мрачно ковырял капустный салат.

Увидел меня и кивнул так приветливо, как никогда не кивал.

– Женщины... – говорит.

На другое утро на моем шкафчике записка: «Зайди».

В кабинете у Дона Мюррея застаю Марту.

– Послушай, Тед, – говорит Дон Мюррей. – То, что ты вчера видел, могло – если не знать обстоятельств – произвести двусмысленное впечатление. Даже смешно, честное слово. Правда, Мартик? Я сегодня подарил Марте тысячу долларов. Чтобы не было недопонимания. И теперь Марта считает, что на нас накатило. И мы, как люди семейные, очень сожалеем. Выпили лишнего, а тут еще «Вечер факелов», романтика. Так что, Марта, случилось?

Марта:

– Мы забылись. На нас накатило.

Дон:

– Накатило без принуждения.

Марта:

– Накатило без принуждения.

Дон:

– И еще. Марту повышают. Из Судомоек переводят в Подменные Лицедейки. Подчеркну: тебя, Марта, повышают вне связи с тем, что на нас без принуждения накатило. Просто так совпало. Почему тебя повышают?

Марта:

– Так совпало.

Дон:

– Вот именно. Плюс поощрение за безупречный труд. Тед, тебя тоже переводят. Из Уборщиков в Расхаживающие Стражники.

Здорово. Я Уборщиком шесть лет отпахал. Человек моего-то калибра. Это у нас с МК шутка была.

Скажем, звонит Эрин:

– МК, в «Роще скорби» кто-то наблевал.

А МК такой:

– Это ты мне? Человеку такого калибра?

Или Эрин такой:

– Тед, тут одна дама уронила цепочку в загон для свиней, подняла кипиш. Дуй туда.

А я ему:

– Это я-то? Человек такого калибра?

– Давай-давай. Не смешно. Она мне уже плешь проела.

Свиньи у нас искусственные, и корм искусственный, и навоз искусственный, а все-таки мало радости надевать сапожищи и катить «ХлевоФильтр Делюкс» в свинарник, чтобы, к примеру, искать эту цепочку. По инструкции, перед тем как запускать «ХлевоФильтр», искусственных свиней надо оттащить к стенке. Ты их тащишь, а они на автомате продолжают хрюкать. Если ухватить свинью не за то место, картина выходит занятная.

Кто-нибудь из публики ляпнет:

– Смотрите! Чувак поросенка грудью кормит!

И все хохочут.

Так что перевод в Расхаживающие Стражники был весьма кстати.

Тем более что на тот момент в нашей семье кроме меня никто не работал. Мама болела, Бет стеснялась, а папа недавно как назло сломал позвоночник: лежал под машиной, чинил, и она упала. А еще в доме надо было поменять окна. Всю зиму Бет, краснея, ходила с пылесосом и убирала снег. Если кто-нибудь заглядывал в комнату, она, совсем застенчившись, все бросала и убегала.

Вечером, когда я в тот день вернулся домой, папа высчитал, что скоро мы сможем купить маме кровать с регулируемым наклоном.

Папа:

– Если пойдешь в гору, глядишь, со временем купим и мне корсет.

Я:

– Само собой. Можешь на меня положиться.

После ужина, когда я поехал в город за лекарствами: маме – от боли, Бет – от застенчивости и папе – от боли, притормозил у дома Нейта и Марты.

Я посигналил, помахал из окна, остановился и вышел.

– Привет, – сказал Нейт.

– Как дела? – спросил я.

– Дом ни к черту. Нет, ты сам посмотри: ведь ни к черту? У меня прямо руки опускаются.

И правда дом у них отстойный. Дыры в крыше залатаны синей пленкой; на дворе дети боязливо прыгают с тележки в грязную лужу; у качелей стоит костлявый пони и бешено вылизывается, как будто мечтает очиститься от здешней грязи и наконец дать деру куда-нибудь, где получше.

– Надо ж такая разруха, – сказал Нейт.

Поднял обертку от «Сопливчиков», посмотрел, куда бы положить, и снова бросил. Обертка прилипла ему к ботинку.

– Отлично! Вот так всегда.

– Господи, – сказала Марта и подобрала ее.

– Не хватало еще, чтобы и ты против меня, – сказал Нейт. – Солнышко, у меня кроме тебя никого нет.

– Неправда, – ответила Марта. – А дети?

– Честное слово, еще хоть одна хрень случится – застрелюсь.
Я про себя подумал: кишка тонка. Хотя кто его знает?
– Как дела на работе? – спросил Нейт. – Моя последние дни что-то не в духе. А ведь ее только-только повысили.
Я не видел, но почувствовал, как Марта впиалась в меня глазами:
– Тед, не выдавай.
Ее дело, в конце концов. Как там говорят? Не сломалось – не чини? Что ж, если судить по моему опыту – а я насмотрелся всякого, – это справедливо. Скажу больше: даже если сломалось, все равно не лезь: чего доброго только хуже сделаешь.
В итоге проямлил что-то вроде: ну да, новая должность... нелегко... большой стресс.
Мартино лицо просияло благодарностью. Она проводила меня до машины и дала три помидорины с собственного огорода, смахивающие, если честно, на старикашек: маленькие, плюгавенькие, сморщенные.
– Спасибо, – прошептала она. – Выручил.

На следующее утро обнаруживаю в своем шкафчике униформу Расхаживающего Стражника и бумажный стаканчик с желтой таблеткой.
«Круто! – думаю. – Наконец-то перевели на медикаменты».
Тут пришла миссис Бриджес из охраны труда – провести инструктаж насчет таблетки.
Миссис Бриджес:
– В общем, здесь 100 миллиграммов «Рыцерино®». Помогает импровизировать. Но с «Рыцерином®» такая штука: надо пить побольше воды.
Я проглотил таблетку и пошел к «Тронному залу». Моя роль – расхаживать перед дверями, за которыми, по замыслу, сидит Король и думает. Там и правда сидел Король – Эд Филлипс. Дело в том, что в одной из наших «мизансцен» прибывает Гонец, проносится мимо Расхаживающего Стражника, распаивает двери, Король называет Гонца безрассудным, Расхаживающего Стражника – скудоумным, Гонец смешивается, закрывает двери, обменивается репликами с Расхаживающим Стражником.
Вскоре посетители почти заполнили нашу «Зону развлечений». Гонец (он же Кайл Сперлинг) проскочил мимо меня, запахнул двери. Эд назвал Кайла безрассудным, меня – скудоумным. Кайл смешался, закрыл двери.
Кайл:
– Прошу покорно извинить меня, если я нарушил дворцовый регламент. У меня совершенно вылетела из головы моя реплика: «Ваша поспешность выдает пылкость сильной натуры».
Вместо этого я такой:
– Да ладно, ничего.
Кайл – вот ведь профи! – и бровью не повел.
Кайл (подает мне конверт):
– Прошу вас, передайте королю. Дело не требует отлагательств.
Я:
– Его Величество пребывает в раздумье.
Кайл:
– В тягостном раздумье?

Я:

– Точно. В тягостном раздумье.

И тут подействовал «Рыцери́н®». Во рту пересохло. Я подумал, молодчина Кайл: не стал придира́ться, когда я налажал. Я вдруг понял, что Кайл мне страшно нравится. Что я его даже люблю. Как брата. Как товарища. Как благородного соратника. У меня возникло такое чувство, будто мы с ним пережили вместе немало невзгод. Показалось, например, что когда-то, в какой-то далекой стране мы стояли плечом к плечу под стенами какой-то крепости. Сверху лилась горящая смола, но мы только грустно усмехались друг другу, как будто говорили: «Жизнь мимолетна, так не будем терять ни секунды!» А затем – оружие к бою! – бросились в атаку. Взбирались по шатким лестницам, изрыгали многочисленные проклятья, хотя я и не смог припомнить ни сами эти проклятья, ни исход вышеупомянутой атаки.

Кайл тотчас удалился. Я же остался развлекать наших гостей игрою своего ума и блеском острот, радуясь, что в награду за все мои труды Провидению было угодно приуготовить мне службу, позволяющую приносить великую радость почтеннейшей публике.

Вскоре и без того чудесный день стал еще приятнее с появлением моего благодетеля, Дона Мюррея.

Дон Мюррей любезно мне подмигнул и держал такую речь:

– Знаешь, Тед? Давай как-нибудь с тобой куда-нибудь съездим? На рыбалку там или в поход.

Сердце мое преисполнилось радости. Ловить рыбу, охотиться, разбивать бивуак вместе с сим досточтимым мужем! Бродить по бескрайним лугам и тенистым лесам! А на исходе дня найти ночлег в какой-нибудь сельской хижине близ журчащего ручья, поставить в стойло наших скакунов и под тихие звуки конского ржания вести неспешные беседы о чести, любви, отваге и славно исполненном долге!

Но в тот же миг произошло роковое событие.

Откуда ни возьмись явилась вышепоименованная Марта в обличе Призрака – Призрака Номер Три, если быть точным, – сопровождаемая двумя господами в белом (а имена оным господам – Меган и Тиффани). Сия троица исполнила презабавную штуку: представляя собой обитающих в замке привидений, они изрядно гремели цепями и замогильно стенали, а гости, собравшиеся в «Зоне развлечений», огороженной красными вервями, внимали странному действию с отверстыми ртами, выпученными очами и полными смятения возгласами.

Узрев Мартино чело, которое под показной веселостию хранило следы некоего трагического воспоминания (а мне природа сего воспоминания была довольно известна), я, несмотря на недавнюю благосклонность ко мне Фортуны, сделался печален.

Как скоро Марта заметила сию перемену в моем расположении духа, оборотилась незаметно ото всех в мою сторону и тихо промолвила:

– Тед, ты чего? Не надо, ладно? У меня все в порядке. Не заморачивайся. Проехали.

Увы мне! Дама столь завидной добродетели, испытавшая столько горя, изволила войти мне в доверие, и что я слышу? Она умоляет презренным молчанием сокрыть ее позор навеки!

Марта:

– Тед, что с тобой?

Я отвечал так:

– Истинно, дела мои обстояли неблагополучно: я был непростительно развлечен и пренебрегал своим долгом, но нынче ко мне вернулась ясность рассудка, и я нижайше прошу простить меня за прежнюю худую заботу о тебе, о несравненная!

Марта:

– Уймись.

Об эту пору ко мне подступил сам Дон Мюррей и положил десницу мне на грудь, словно бы желая умерить мой пыл.

– Тед, мать твою, – изрек он, – заткнись! Не то моргнуть не успеешь – я тебя в сортир спущу.

Истинно: глас разума в моей голове подал мудрый совет усмирить мои чувства, дабы не совершить какого-либо безрассудного поступка и не переменить благосклонность Фортуны на гнев Рока.

Но сердце человеческое есть орган, который порой действует по своим собственным законам и не устрашается даже пред лицом величайшей опасности.

Ибо при виде Дона Мюррея многие мысли набежали на мое чело, словно тучи на небо. Что проку в жизни, коли живущий, имея на то силы, дарованные Господом, не защищает добродетели и не отстаивает справедливости? Благое ли дело, чтобы насильнику ни в чем не чинилось препятствий? Обречены ли кроткие скитаться по свету без покровителей? От сих мыслей воспылала душа моя праведным гневом, и, отринув недостойную благородного мужа скрытность, я выступил на самую середину палаты и обратил ко всем собравшимся сию громкую и честную речь:

– Рекомый Дон Мюррей на «Вечере факелов» надругался над Мартой, поместив противу ее воли свой уд в ее чрево.

– Внемлите! Сей презренный Мюррей купил Мартино молчание разнообразными подношениями и в том числе добыл ей нынешнюю службу.

– Внемлите! Он тем же способом пытался купить и мое молчание; но молчать я более не намерен, ибо муж есмь, а одно уже сие звание обязывает служить торжеству добродетели, не щадя живота своего.

Обернувшись к Марте, я наклоном головы просил ее выразить согласие и удостоверить подлинность сказанного мною, но увы! Дева отказалась свидетельствовать и лишь опустила очи долу, как от стыда, и спешно удалилась.

Охранники, коих вызывал на подмогу Дон Мюррей, тотчас прибыли и, воспользовавшись удобным случаем, потешались надо мной и нанесли несметное число жестоких ударов по моим ланитам и персям. Они изгнали меня из сего дворца, повергли наземь на грязный тракт пред его стенами, изорвали у меня на глазах мой пропуск и развеяли его обрывки по ветру, а сами грубо надо мною смеялись, в особенности же в рассуждении моей шляпы с перьями, одно из которых сии охранники немилосердно измяли.

Истекая кровью и мучаясь болью от увечий, сидел я в дорожной пыли, покуда, собрав остатки достоинства, не направил стопы свои к дому искать утешения, какое могли мне доставить домочадцы. Не располагая даже средствами заплатить за автобус (ибо рюкзак мой остался в том проклятом месте), я был принужден добрый час брести по образу пешего хождения, и дневное светило уж начало клониться к горизонту, а я все с грустью размышлял о том, что рассудок на сей раз мне изменил, что я вверг свою семью в пучину

самых неблагоприятных обстоятельств и что тем самым наше оскудение, кое уже доставляло нам немало огорчений, умножится многократно.

Отец не получит корсета, мать не получит кровати с регулируемым наклоном, и каким образом отныне приобретать им всевозможные медицинские снадобья, теперь становится вопросом загадочным и весьма докучливым.

Вскоре я очутился близ трапезной «Венди'с», что на Центральном бульваре, неподалеку от закрывшегося «Аутбэка»; на меня накатывал мощный отходняк, и я все явственнее понимал, что вскоре, как только улечутся последние флюиды эликсира, я буду стоять пред нашим вшивым телевизором, не в силах выразить – своею простолюдинской речью, – что, хоть близится зима и снега (как я имел возможность засвидетельствовать ранее) станут проникать в наше убогое жилище, надежды на лучшую участь нет, ибо я уволен; уволен и паки осмеян!

И в тот же час, словно чтобы еще суровее наказать мое неразумие, судьба обрушила на меня новый сокрушительный удар, орудием коего была избрана Марта, воззвавшая ко мне посредством мобильного телефона и промолвившая с превеликой скорбью в голосе слова, что поразили меня в самое сердце: «Ну спасибо, Тед, удружил! Может, ты не в курсе, но городишко у нас маленький, все всё про всех знают. Блин, блин!..»

И она залилась горячими слезами.

Правдивы были слова Марты, ибо слухи и клеветы переносятся в нашем городе с легкостью эфира и, само собой, моментально дойдут до этого дурика Нейта. А услышав из уст жестоковыйных сплетников о том, как надругались над его драгоценной Мартою, Нейт точно психанет.

Блин!

Что за день такой сраный!

Я срезал путь через школьное поле для американского футбола, где неясные очертания тренировочных манекенов показались мне людьми, знающими цену молчанию и смеющимися надо мною, и попытался было утешиться мыслями о том, что поступил правильно, во имя справедливости и выказал немалую отвагу. Но сии мысли не утешили меня. Хрень какая-то вышла. И на кой черт я это сделал? Я почувствовал себя идиотом, которому надо было всего лишь не вмешиваться и проявить умеренность. Нет, облажался я по полной программе. Но с другой стороны, разве не надевает личину умеренности порой сам дьявол, дабы вершить темные дела свои? Разве воздать Дону Мюррею по заслугам не благо? Хотя, если разобраться, кем я себя возомнил? Тоже мне воздавальныйщик.

Твою мать.

Твою мать!

Вот дерьмище!

Как жить-то теперь?

Я уже почти совсем пришел в себя и скажу честно: отвратное было чувство.

Но тут я, видимо, переварил последнюю крупичку таблетки, и меня в последний раз ненадолго отбросило вспять. В мою прежнюю душу. Душу возвышенного мужа, рыцаря *par excellence*, который сыграл со мной столь злую шутку.

Я направился к брегам реки и помедлил там немного, а солнце тем временем, завершая путь свой, клонилось к речным водам, напоследок щедро

одаривая землю великолепной россыпью разноцветных лучей, возвещающих о скором наступлении блаженной тишины.